

УДК 94(570)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.72>

Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в.

Е. В. Санкин

Средняя общеобразовательная школа № 25, г. Сургут, Россия

В. П. Зиновьев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия*

Аннотация. На сибирском материале рассматривается проблема регулирования рыболовства в Российской империи в конце XIX – начале XX в., когда для общественности и местных чиновников стали очевидны серьезные последствия хищнического, ничем не ограниченного пользования природными ресурсами. Отмечается осознание необходимости введения ограничительных мер на уровне регионального управления и невнимание общеимперских структур власти к этому вопросу применительно к Азиатской России. Устанавливается, что рыбопромышленники активно выступали против какого-либо регулирования времени и способов рыбной ловли в Сибири; рыболовство в Азиатской России не имело ограничений вплоть до советского времени.

Ключевые слова: рыболовство, меры государственного регулирования, Сибирь.

Для цитирования: Санкин Е. В., Зиновьев В. П. Государственное регулирование рыболовства в России в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 72–85. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.72>

Россия, заняв пространства Северной Евразии, долгое время не находила сил и средств для изучения тех гигантских природных ресурсов, которые ей достались в силу исторических обстоятельств. Только со второй четверти XVIII в. началось научное исследование Северной Азии, тогда как стихийное освоение территории на век с лишним опередило усилия центральных властей по узнаванию края. Расхищение природных богатств Сибири – истребление пушных зверей, вырубка и выжог лесов, вылов ценных пород рыбы – было замечено современниками в XIX в. Регулировалось пользование природных ресурсов Северной Азии, объявленных собственностью казны и кабинета Его Императорского Величества, только там, где затрагивались интересы этих почтенных ведомств. Государственная политика по охране и использованию лесных ресурсов Сибири изучена М. О. Тяпкиным [15], регулирование пушного промысла – А. В. Старцевым [14]. История регулирования рыбного промысла в Сибири затрагивалась лишь в диссертации Е. В. Санкина [11].

Рассмотрение вопроса государственного регулирования рыболовства имеет большое значение для определения тех законодательных норм и правил, в рамках которых развивалась рыбопромышленность в Сибири, что позволяет проследить эволюцию рыболовного права и выявить отношение государства к этой отрасли хозяйства. Впервые в отечественной литературе проблеме правового регулирования рыболовства уделено внимание во второй половине XIX в., что являлось, в свою очередь, отражением необходимости введения в России рыболовного законодательства.

Изучая дореволюционное «рыболовное» законодательство, нельзя не согласиться с мнением известного ихтиолога Н. Бородина, который в конце XIX в. писал, что «наше законодательство представляет из себя в общем пеструю, из разных обрезков сшитую одежду, которой приходится прикрываться без угрызания совести каждому из имеющих то или иное отношение к управлению рыбными промыслами или к рассмотрению тех или иных вопросов по устройству отечественных рыбных промыслов» [2]. Действительно, рыболовное законодательство дореволюционной России было сосредоточено в разных по содержанию законопроектах, таких как Свод законов гражданских, Устав казенных оброчных статей, Устав сельского хозяйства, Устав об обеспечении народного продовольствия, Устав врачебный, Устав об управлении инородцев, Положение об инородцах и др.

Все дореволюционные законы, касающиеся регулирования рыболовства, можно разделить на три группы. В первую группу вошли законы и нормативные акты, затрагивающие определение собственника рыбных ловель. Вторая группа касается сохранения и воспроизводства рыбных ресурсов и третья – организационной стороны промышленного рыболовства.

Стоит сказать, что целенаправленная политика государства в области рыболовства началась с середины XIX в., что было обусловлено необходимостью рационализации промышленного морского рыболовства, которая впоследствии затронула и всю российскую рыбопромышленность. До этого времени в Сибири действовало непосредственное косвенное право промыслового рыболовства, которое определяло собственника или пользователя рыбных ловель и регламентировало отношения между собственником и арендатором. Собственниками рыбных ловель в Сибири являлись казна и кабинет Е. И. В., пользователями – коренное население, крестьяне и городские промышленники.

Государственная политика в отношении коренных жителей с самого начала освоения Сибири была направлена на невмешательство в их традиционную хозяйственную жизнь, и поэтому рыбные угодья были отданы в полное пользование последним. Следует отметить еще один важный момент: сибирские рыбные ловли долго не представляли, с точки зрения властей, особой ценности, как, например, охотничьи угодья, которые являлись источником ценной пушнины.

Наиболее крупные рыболовные угодья находились в пользовании коренного населения. Официально русскому населению разрешалось брать в аренду у инородческих обществ рыболовные участки, но на незначительное

время, чтобы не подорвать жизнеспособность главных поставщиков ясака в казну. При этом власти понимали, что коренное население не имело прочных и больших рыболовных снарядов, что обуславливало слабую эксплуатацию ими лучших рыболовных мест. Такая позиция государства в отношении долгосрочной аренды угодий объясняется его стремлением не допустить торговых людей и рыбопромышленников на рынок пушных товаров, чтобы не спровоцировать сокращение поступления натурального ясака.

Но тем не менее долгосрочные арендные отношения между коренным и пришлым населением развивались. По мнению современных историков, практика долгосрочной аренды начала складываться с середины XVIII в., когда многие купцы и мещане стали пользоваться рыбными угодьями в течение десятилетий [5, с. 97; 9]. Долгосрочная аренда угодий и засилье рыбопромышленников вызывала у инородцев недовольство, что выражалось в многочисленных жалобах в администрацию. Коренные жители ссылались на то, что промышленники большими неводами перекрывали ход рыбы и до их селений рыба не доходила¹. Местные власти в течение всего XIX – начала XX в. предпринимали ряд мер по запрещению долгосрочной аренды рыболовных угодий. Так, в январе 1805 г. губернское управление запретило приезжим рыбопромышленникам в Березовском крае брать пески в долгосрочную аренду и производить промысел в инородческих волостях, так как это пагубно отражается на жизнедеятельности ясачного населения. Однако это постановление было быстро отменено. Сенатор Корнилов после посещения Березовского края в 1807 г. счел жалобы инородцев несправедливыми и несостоятельными. Причем, по его мнению, этот запрет мог сильно отразиться на снабжении рыбой населения Тобольской, Томской, Пермской и Оренбургской губерний [12].

В то же время инородческие князьки и старшины имели самовольное право сдачи в аренду рыболовных угодий, чем пользовались рыбопромышленники, подкупая их в обход решения общества, что также сказывалось на развитии долгосрочной аренды. В 1822 г. Устав об управлении инородцев отменил привилегии старейших и узаконил отдачу в оброчное содержание рыбных ловель только с согласия общества (ст. 32)². В продолжение всего в 1857 г. Совет Главного управления Западной Сибири «в ограждение инородцев от обмана и стеснений со стороны приезжих рыбопромышленников» принял постановление об отдаче инородческих рыболовных угодий Березовского округа с торгов до трех лет. Но это постановление осталось лишь на бумаге. Только в 1894 г. законодательно был оформлен максимальный срок аренды до четырех лет³. Все официальные ограничения не имели реальных последствий и не изменили ситуацию уже с традиционной долгосрочной арендой рыболовных угодий. Во-первых, не существовало специального управленче-

¹ Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 329. Оп. 13. Д. 249.

² Устав об управлении инородцев // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX) : сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С. 85–111.

³ Сибирская торговая газета. 1898. № 216.

ско-надзорного аппарата. Во-вторых, именно торговые люди являлись на севере практически основными поставщиками всего необходимого для жизнедеятельности коренного населения, и поэтому имели большие возможности для манипуляции ими.

Стоит обратить внимание и на формальное изменение имущественных прав коренного населения на рыбные угодья. Дело в том, что в течение XIX в. государство часто напоминало коренным жителям, что рыбные ловли являются казенным имуществом, и постепенно юридически оформляло этот постулат, который окончательно сводился примерно к следующему: «Все земли, леса и воды Березовского и Сургутского уездов составляют государственную собственность; права же инородцев на эти угодья заключаются лишь в пользовании таковыми» [3, с. 199]. Разница заключалась в том, что в сравнении с лесными угодьями в управлении инородческих рыбных ловель казна не принимала особого участия. И это надолго предопределило исключительное право коренных жителей на пользование рыбными угодьями.

По мере освоения Западной Сибири и роста народонаселения местные власти ставили перед собой новые и более широкие задачи, требующие финансовых вливаний, и это в свою очередь заставило казну обратить свой взор на свободные рыбные угодья. Впервые о своих намерениях обложить оброком рыбные ловли казна заявила в 1822 г., когда генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич решил на доходы от сдачи рыбных ловель в аренду с торгов построить Сибирский университет. Но инициатива генерал-губернатора не была поддержана Сибирским комитетом, который сослался на подрыв экономики крестьянского народонаселения. Тем не менее государственные власти стали постепенно зачислять в оброчные статьи рыбные ловли, что в особенности проявилось в 1850-е гг., когда было отменено постановление Сибирского комитета, касающееся запрета вводить рыбные ловли в казенно-оброчные статьи [6]. Оброчными статьями, по Уставу казенных оброчных статей (1876 г.), являлись казенные недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное, с публичных торгов, содержание или временно оставляемые по безуспешности торгов в хозяйственном управлении, как то: свободные земли, рыбные ловли, мельницы и другие заводы и т. п. [4, прил., с. 5]. В течение XIX – начала XX в. число оброчных статей постоянно увеличивалось. Например, в 1857 г. в Тобольской губернской казне насчитывалось 309 рыболовных статей, а в 1913 г. – 405 [6, с. 66]. Местные власти очень рачительно относились к казенному имуществу, и в частности к рыбным ловлям. Казна была заинтересована в высокой стоимости сдаваемых в оброк рыбных ловель, цена которых зависела прежде всего от рыбной продуктивности водоемов. Для этого, например, ограничивалось число неводных артелей. Но эти мероприятия не имели особого эффекта. Местные власти, например, для оз. Сартлан установили 13 максимально используемых неводов, а для Чанов – 25, при этом число реально работающих неводов было выше – 20 и 84 соответственно [13, с. 60]. Из вышеизложенного видно, что мероприятия казны по охране рыбных ресурсов были продиктованы в первую очередь фискальными соображениями.

С середины XIX в. в истории рыболовного законодательства начинается принципиально новый по содержанию этап, характеризующийся целенаправленной политикой государства в области развития российского рыболовства и охраны рыбных ресурсов. К этому времени российское рыболовство стало приобретать промышленные масштабы, особенно в Волжско-Каспийском и Азовском бассейнах, где эта отрасль хозяйствования имела большое значение для экономики регионов и в целом для страны. Однако появлялись первые жалобы о сокращении рыбных запасов в ряде мест, поэтому были необходимы кардинальные меры по регулированию рыболовства в стране. Для разработки специальных законов требовались массовые научно-промысловые исследования рыболовства. Первые научные экспедиции были организованы под эгидой Министерства государственных имуществ, которые возглавили А. М. Бэр и Н. Я. Данилевский. В течение 1851–1859 гг. были изучены рыбные промыслы Чудского и Псковского озер, бассейны Каспийского, Белого морей и Северного Ледовитого океана и др. [1, с. 25]. Итогом экспедиций стала разработка проекта временных правил рыболовства для изученных регионов.

По инициативе Министерства госимуществ проекты правил были представлены на рассмотрение сибирским губернаторам. Правила регламентировали в первую очередь техническую сторону рыболовства и были направлены на ограничение использования некоторых орудий и способов рыболовства. К ним относился запрет на перегораживание рек и притоков с помощью забоек, заколов и насыпей. Также оговаривались размеры неводов, которые по длине не должны были превышать середину ширины реки и иметь малые ячей, — эти меры должны были препятствовать вылову молоди. Правила не учитывали региональные особенности рыбного промысла. Сибирские губернаторы и рыбопромышленники сочли их неприменимыми к сибирскому рыболовству: местные власти руководствовались тем, что крестьянское и коренное население могло остаться без дополнительного заработка, а казна, следовательно, без налоговых поступлений; рыбопромышленники ссылались на изобилие рыбы в Обском бассейне, не требующее, по их мнению, особого регулирования⁴. В 1870-х гг. проект Н. Я. Данилевского об ограничении лова рыбы хищническими способами постигла та же участь. Губернаторы вновь признали его неприменимым к местным условиям.

Тем не менее миф о неистощимых рыбных богатствах Обского бассейна вскоре был разрушен. В конце 1870-х г. на юге Березовского округа было отмечено сокращение улова осетровых в реке Оби. Одной из причин этого явления было массовое употребление рыбопромышленниками крючковой снасти — переметов и самоловов, а также неводов с малыми ячейками, которые препятствовали свободному ходу осетровой молоди. По устройству переметы — это длинные веревочные снасти, к которым прикреплялись на коротких нитках крючки с наживкой. Самоловы от переметов отличались тем, что крючки изготавливались из проволоки, которая сильно затачивалась, крючки использовались для ловли ходовой рыбы без наживки. Судя по источникам, в низовьях

⁴ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4238. Л. 23–49 об.

Оби самоловы стали применять в начале 1870-х г., когда и приобрели промышленные масштабы⁵ [3, с. 248].

В 1879 г. Главное управление Западной Сибири издало постановление о запрещении русским рыбопромышленникам в Березовском крае промышленно ловить рыбу самоловами, переметами, неводами, длина которых превышает половину ширины реки, и другими способами, которые мешали свободному ходу рыбы [16, с. 147]. За нарушение этих правил предусматривалось наказание в виде штрафа в размере 25 руб.⁶ Эта мера не дала существенного эффекта. Многие рыбопромышленники для ловли самоловами стали нанимать коренных жителей, которым по закону разрешалось ловить рыбу любыми снарядами и в любое время. Также отсутствие надзора и незначительность наказания не заставили рыбаков отказаться от применения самоловов и других орудий лова. Сургутский уездный исправник Г. А. Пирожников в начале XX в. писал, что русские рыбопромышленники «добывали осетра за один суточный просмотр самоловов по сто штук и более, и ничтожность наказания высмеивали, выражая готовность заплатить штраф за 10 лет вперед» [7, с. 31].

С другой стороны, самоловный промысел имел огромное значение для крестьянских хозяйств Тобольского округа и Нарымского края. С использованием самоловов был связан зимний «юровой» промысел на низовьях Иртыша и средней Оби. Суть промысла состояла в лове стерляди и осетра в глубоких местах, или «ямах», где рыба залегала с осени до весны. Ловля зимой самоловами широко была распространена и в Нарымском крае. А.Ф. Плотников писал, что «самоловный промысел зимою дает самую лучшую рыбу – подледную и составляет самый важный и значительный заработок для местного населения. Для промысла здешние жители, по большей части, небольшими партиями выезжают из населенных мест и поселяются на берегах Оби в кораблах, где живут, сушат и точат напилками самоловы» [8, с. 321]. Местные власти понимали всю важность этого промысла для экономики крестьянских хозяйств и не распространяли принятые меры на крестьян. Тем более что промысел проходил всего несколько дней, охранялся и регулировался самими крестьянскими обществами.

В научно-публицистической литературе того времени высказывались разные мнения по поводу использования самоловов и другой крючковой снасти в промышленном рыболовстве. Например, А. А. Дунин-Горкавич считал использование самоловов вредным для рыбных запасов Оби. Во-первых, по его мнению, они препятствовали движению осетра, устраивались по всей ширине русла реки. Во-вторых, много рыбы срывалось с крючка и бесполезно для человека погибало [3, с. 248–249]. Существовала и другая точка зрения. Л. П. Сабанеев не признавал самоловы хищническими орудиями лова, но некоторые способы их применения осуждал. На его взгляд, осетровые «крайне живучи и выносливы, и раны, нанесенные крючками, очень скоро заживают» [10, с. 295].

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 17425. Л. 1-2.

⁶ Там же. Л. 2.

Позже, в 1886 г., правила, касающиеся запрета на использование самоловов и других орудий лова в Березовском крае, нашли отражение в Уставе сельского хозяйства, который распространялся на всю Россию [4, прил., с. 7–9]. В частности, им запрещалось употреблять для лова рыбы самоловы и другие снасти, которые препятствовали свободному ходу рыбы «из моря в речные устья и снизу вверх по рекам» (ст. 216). Также рыбопромышленникам запрещалось использовать неводы, длина которых превышала ширину реки (ст. 217). Особое внимание в Уставе уделено правам сибирских инородцев и казаков на рыбную ловлю (ст. 204–207), статьи, в сущности, были заимствованы из Устава об управлении инородцев и не касались каких-либо ограничений в рыбном промысле. Ничего принципиально нового в общих положениях не появилось и в Уставе сельского хозяйства за 1903 г.⁷ Основной отличительной особенностью этого Устава от предыдущего стало появления ряда правил промыслового рыболовства для отдельных регионов страны. Так, в Уставе четко описаны правила рыбной ловли в Белом море, Северном океане, Азовском и Каспийском бассейнах и других регионах (ст. 507–1072). При этом сибирская рыбопромышленность в документе не была упомянута.

Ярким явлением в развитии российской рыбопромышленности было создание в 1881 г. Российского общества рыбоводства и рыболовства. Само общество было образовано по инициативе Министерства госимуществ и состояло в его ведении. Основные цели и направления деятельности общества прописаны в Уставе [4, прил., с. 127–137]. Главная цель Общества заключалась в содействии «развитию рыбоводства и рыболовства и других морских и речных промыслов в Российской Империи, а также правительственным по этой части мероприятиям» (ст. 1). Одной из ключевых задач Общества ставилось изучение и распространение знаний о водной фауне и рыбном промысле, а также разработка материалов для узаконения правил рыболовства. Принцип организации Общества строился на общественных началах, и результаты его работы зависели от личной инициативы каждого его участника. Бюджет организации формировался из ежегодных членских взносов и пожертвований. В 1884 г. Общество принялось за переработку проекта Данилевского, который был впоследствии передан на заключение главному инспектору сельского хозяйства О. А. Гримму. Сам проект прежде всего был направлен на сохранение и воспроизводство рыбных ресурсов [4, с. 118–126]. В частности, им устанавливалось запретное время для промысла, регламентировалось использование различных орудий лова и указывались размеры рыбы, запрещенные к вылавливанию (ст. 17–50). При этом в каждом отдельном рыболовном районе местные власти должны были сами определять время промысла, орудия лова и размер промысловой рыбы. Слабым местом проекта была недостаточная разработанность контроля и надзора за исполнением правил. Авторы перекладывали весь надзор за исполнением закона на местную административно-полицейскую власть, нечетко прописывая создание специальных органов (ст. 51–58). В части контроля и надзора авторы отводили большую роль

⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. XII. Ч. 2. Устав сельского хозяйства. 291 с.

общественной сознательности и взаимоконтролю населения. Например, предполагалось, что 25 % от денежного штрафа будет отдаваться «открывателю нарушения» (ст. 55).

По проекту устав общих правил рыболовства не распространялся на воды Азиатской России. По большому счету проект, предложенный Обществом рыболовства, был обобщением исследований рыболовства Европейской России и уже существующих региональных законов. В 1890 г. переработанный проект был представлен в Департамент земледелия, но так и не был обсужден [2, с. 330].

Одной из главных причин длительности выработки законопроекта, регулирующего рыболовство в России, являлась слабая изученность запасов рыбы и самого промысла. Во второй половине XIX в. изучением сибирского рыболовства занимались исключительно члены Российского географического общества, работы которых в основном носили научно-публицистический характер. Лишь в конце XIX в. начинаются специальные исследования сибирского рыболовства. Местные власти осознавали, что для рационального использования рыбных ресурсов необходимы специальные изыскания. В 1894 г. тобольский губернатор Н. М. Богданович ходатайствовал перед Министерством госимуществ о командировке специалиста в Тобольскую губернию для изучения обского рыболовства⁸. В 1895 г. в Тобольск прибыл для исследования Обь-Иртышского рыболовства астраханский ихтиолог Н. А. Варпаховский, основной целью его командировки было изучение водной фауны, орудий рыболовства и организации самого промысла. А. Н. Варпаховскому было выделено 1300 руб., 300 из которых должны были пойти на покупку спиртов для зоологических коллекций и образцов и моделей рыболовных снастей⁹. Результаты командировки А. Н. Варпаховского отразились в публикации его основного отчета в 1898 г. «Рыболовство в бассейне реки Оби. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла». В 1911 г. изучение западносибирского рыболовства продолжил ихтиолог А. С. Скориков, который исследовал озерное рыболовство Барабинского района. По окончании исследования состоялось совещание в 1912 г. при Томском управлении госимуществ по проблемам развития рыболовства в Барабинском районе [13, с. 3–7]. На совещании были предложены меры, касающиеся охраны рыбных ресурсов, надзора за правильным рыболовством и правил отдачи казенных статей в оброчное содержание.

В 1901 г. в Тобольске на общем собрании губернского музея обсуждался проект Общего устава рыболовства, который был выработан Департаментом земледелия [3, с. 249]. На собрании также присутствовали и рыбопромышленники, которые разошлись во мнениях по многим пунктам устава. Причинами разногласий являлись слабые знания биологии рыб – их поведения, периода икрометания и т. п. Каждый опирался на свои наблюдения и предлагал в соответствии с ними определенные меры. Проблема состояла еще и в том, что в Оби водилось несколько видов промысловых рыб, которые имели свои

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 6. Л. 79–81.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 6 об.

биологические особенности, поэтому выработать общие ограничения для рыболовства было весьма затруднительно. Тем не менее важным итогом совещания стало образование в Березовском округе заповедного места по Малой Оби между Войкаром и Шурушкаром в период от рекостава до февраля, когда вылавливалась в основном осетровая и сига́вая молодь [3. Приложение, с. 31–32]. Томские рыбопромышленники в 1902 г. также высказались против принятия рыболовного устава, ссылаясь на те же доводы¹⁰.

В 1909 г. на общем собрании Тобольского отдела Российского общества рыбопромышленности и рыболовства состоялось обсуждение нового устава рыболовства, который был подготовлен уже рыболовной комиссией Государственной думы¹¹. Отличало новый проект то, что в нем были прописаны подробно не только меры, направленные на сохранение и воспроизводство рыбных ресурсов, но и механизм действия устава с подробным изложением организации контроля и надзора за исполнением правил. Так, для организации контроля за исполнением устава в каждой губернии или области создавались комитеты по делам рыболовства, в которые входили по одному представителю от разных ведомств: землеустройства и земледелия, внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, а также от рыбопромышленников (ст. 19). Сами комитеты не были постоянным органом власти, а собирались по мере надобности. Ведущей функцией комитета являлось изменение и дополнение действующих правил и нужд местного рыболовства, а именно: определение запретных сроков и границ лова, размеров и числа используемых орудий лова; составление правил торговли (ст. 22–24). Рыболовные комитеты имели лишь совещательную функцию и не являлись последней инстанцией в принятии и установлении правил. Выработанные комитетом правила передавались на рассмотрение Губернскому земскому собранию или Губернскому комитету, после чего вынесение окончательного вердикта оставалось за губернатором (ст. 24). Основной надзор за исполнением правил рыболовства возлагался на Главное управление землеустройства и земледелия, а местный региональный надзор вверялся губернаторам, управлениям земледелия и госимуществ, а также всем чинам полиции, судоходства и корпуса лесничих (ст. 31–34). При этом в новом уставе за нарушение правил рыболовства предусматривалось уголовное преследование.

Хотя в ст. 1 Устава указано, что его действие распространяется на все воды Российской империи, депутаты Госдумы ограничили его применение лишь европейской частью России, указав, что с 1912 г. действие Устава будет узаконено на всей территории России. Местные рыбопромышленники не поддержали введение общего устава рыболовства, ссылаясь на слабую изученность в ихтиологическом отношении рек тобольского Севера¹². Причем результаты исследования обского рыболовства А. Н. Варпаховским остались почти невостребованными.

¹⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 58.

¹¹ Общий устав рыболовства по проекту рыболовной комиссии Государственной Думы // Вестник рыбопромышленности. СПб., 1909. № 24. С. 587–595.

¹² Сибирский листок. 1908–1911. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2003. С. 243.

Таким образом, в Западной Сибири в дореволюционное время не действовали специальные рыболовные нормы и правила, которые бы регулировали и контролировали рациональное использование рыбных ресурсов. Существовали лишь частные законы, регламентировавшие техническую сторону рыболовства – закон 1879 г. и несколько статей Устава сельского хозяйства о запрещении использования самоловов и других орудий лова, препятствующих свободному ходу рыбы. По этому поводу А. А. Дунин-Горкавич писал, что «хотя закон безусловно воспрещает употребление самоловов в рыболовстве, но тем не менее приведенные статьи судебной властью толкуются в разных местностях различно. В то время как в одном уезде лица, замеченные в употреблении самоловов, несут заслуженное наказание, в другом подобные дела оканчиваются оправданием» [3, с. 249]. Можно согласиться с мнением А. А. Дунина-Горкавича и привести ряд примеров. В Тобольской губернии в начале XX в. вышеприведенные законы практически не работали ввиду отдаленности промысловых мест друг от друга и от административных пунктов. Напротив, в Томской губернии плотность населения была значительно выше, что порождало проблему нехватки промысловых угодий, и использование запрещенных видов орудий лова пагубно отражалось не только на рыбных запасах, но и на благосостоянии жителей прибрежных районов. Поэтому контроль со стороны местных властей был намного серьезнее, и это отразилось в частых судебных разбирательствах¹³.

Еще один важный аспект правового регулирования, который имел место, касался социально-бытовой стороны промышленного рыболовства, которая так или иначе имела отношение к организации самого промысла. Генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков после посещения Березовского края в 1878 г. был возмущен санитарно-техническим состоянием рыбопромышленных заведений и положением рабочих и предложил местным властям выработать специальный закон, который бы регламентировал отношения между хозяевами и рабочими и контролировал санитарную сторону промысла. В 1880 г. Тобольское губернское управление приняло постановление, которое обязывало рыбопромышленников выдавать рабочим специальную одежду и обувь, расширить рацион питания, куда должно было входить мясо, рыба, хлеб, каша, масло, квас и чай. Также ограничивался рабочий день до 15 часов в сутки; устраивались отдельные помещения для рабочих, которые должны были располагаться вдали от засольной и мест топки жира. При этом вменялось вежливое обращение с рабочими и увеличение заработной платы до 30 руб. за сезон. Ответственными за исполнение постановления назначались окружные исправники¹⁴. Сильнейшая вспышка эпидемии тифа в 1885–1887 гг. среди рабочих показала, что ситуация в рыбопромышленных заведениях несколько не изменилась. Это стало очередным поводом для выработки более серьезных мер по улучшению быта на промыслах. В 1892 г. были приняты новые санитарные правила по организации рыбного промысла на пес-

¹³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 19, 23.

¹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309. Л. 21–22.

ках. Подробно регламентировалось устройство помещений для рабочих, организация врачебно-полицейского надзора и врачебной помощи, а также оговаривалась структура контракта рабочего с рыбопромышленником¹⁵. Многие пункты из санитарно-бытовых правил рыбопромышленниками не выполнялись. Сами правила были несовершенны. При их разработке многие особенности рыбного промысла просто не учитывались. А отдаленность промысловых заведений от административных центров способствовала слабому исполнению законных постановлений.

Завершая анализ правовой стороны развития промыслового рыболовства, можно заключить, что на протяжении всего XIX – начала XX в. меры центральных и местных властей по регулированию рыболовства в Сибири были малоэффективными. Сложность составления и реализации рыболовного законодательства заключалась в недостаточности научно-промысловых знаний о рыболовстве. Некоторые принятые меры не исполнялись из-за слабого надзора; организации более строгого надзора препятствовала отдаленность рыбных промыслов от административных центров. Тем не менее можно констатировать, что в России на протяжении второй половины XIX – начала XX в. шел активный процесс формирования рыболовного законодательства, который завершился в 1912 г. принятием рыболовного устава, действие которого на Сибирь не распространялось.

Список литературы

1. *Борисов П. Г.* Научно-промысловые исследования на морях и пресных водоемах. М. : Пищевая промышленность, 1964. 260 с.
2. *Бородин Н.* Наше рыболовство и его порядки. СПб. : Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1893. С. 329–343. Отд. оттиск.
3. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Т. 1. М. : Либерия, 1995. 376 с.
4. *Вешняков В. И.* Рыболовство и законодательство. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1894. 1061 с.
5. *Зиновьев В. П.* Обские рыбопромышленники XVIII – первой половины XIX века // Российское купечество от средних веков до нашего времени. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1993. С. 96–99.
6. *Зиновьев В. П.* Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск : Изд-во Томского университета, 1991. С. 62–81.
7. *Пирожников Г. А.* Записки уездного исправника. Серия XX век. События и личности. Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. 104 с.
8. *Плотников А. Ф.* Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики / изд. под ред. Н. В. Латкина ; Т. 10. Вып. 1. СПб. : Типография В. Ф. Киришбаума, 1901. [2], II, 366, 17 с.
9. *Разгон В. Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1999. 659 с.
10. *Сабанеев Л. П.* Рыбы России. Жизнь и ловля (уженья) наших пресноводных рыб. М. : Физкультура и спорт, 1982. Т. 2. 575 с.

¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309. Л. 21–22.

11. Санкин Е. В. Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2008. 188 с.
12. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты и документы. Тюмень : Тюмен. издат. дом, 2000. 577 с.
13. Скорилов А. С. Озерное рыболовство в Барабинском районе // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. II. Вып. 8. СПб. : Главное управление земледелия и землеустройства, Департамент Земледелия. Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 87 с.
14. Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156. <https://doi.org/10.17223/15617793/400/25>
15. Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул : Барнаул. юрид. институт МВД России, 2019. 496 с.
16. Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень : Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, 1995. 238 с.

State Regulation of Fishing in Russia in the 19th – Early 20th Century

E. V. Sankin

Secondary School N 25, Surgut, Russian Federation

V. P. Zinoviev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract/ the article, mainly based on Siberian material, examines the problem of regulation of fishing in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century, when serious consequences of predatory, unrestricted use of natural resources became apparent to the public and local officials. There is an awareness of the need for restrictive measures at the level of regional administration and the inattention of the general imperial power structures to this issue in relation to Asian Russia. Fishermen actively opposed any regulation of the time and methods of fishing in Siberia. Fishing in Asian Russia had no restrictions until the Soviet era. The officials found justification for this primarily in the rights of the foreign population to use traditional fishing grounds. All the lands of Siberia remained officially state-owned and during the XIX century, fishing grounds were gradually transferred to tax articles. Attempts to regulate the rental relations of the aboriginal population and fishermen, undertaken by local authorities, have not yielded great results. Somewhat more important were the measures to regulate the relations of fishermen and hired workers at capitalist fishing enterprises – *strezhevye sands*. The resolutions of the Tobolsk provincial administration obliged fishermen to give workers special clothes and shoes, improve nutrition, meat, fish, bread, porridge, butter, kvass and tea were to be included in the workers' diet. The working day was limited to 15 hours a day. The resolutions ordered to arrange separate rooms for workers to rest, imputed polite treatment of workers and an increase in wages to 30 rubles. per season. District police officers were appointed responsible for the execution of the resolution. This kind of control made the regulations practically useless. The fishing industry of Siberia remained throughout the 19th – early 20th century a field of spontaneous regulation based on the economic traditions of the Russian and aboriginal population.

Keywords: fishing, measures of state regulation, Siberia.

For citation: Sankin E. V., Zinoviev V. P. State Regulation of Fishing in Russia in the 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 72-85. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.72> (in Russian)

References

1. Borisov P.G. *Nauchno-promyslovye issledovaniya na moryh i presnyh vodoyemah* [Scientific and commercial research on the seas and fresh water bodies] Moscow, Pishchevaia promyshlennost Publ., 1964, 260 p. (in Russian)
2. Borodin N. *Nashe rybolovstvo i ego poryadki* [Our fishing and its procedures]. Saint Petersburg, Tipografia redakzii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov Publ., 1893, pp. 329-343. (in Russian)
3. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobolskiy Sever. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodzev* [Tobolsk North. Ethnographic essay of local aboriginal population]. Vol. 1. Moscow, Libereya Publ., 1995, 376 p. (in Russian)
4. Veshnyakov V.I. *Rybolovstvo i zakonodatelstvo* [Fisheries and legislation]. Saint Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno Publ., 1894, 1061 p. (in Russian)
5. Zinoviev V. P. *Obskie rybopromyshlenniki XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Ob fishermen of the 18th – first half of the 19th century.]. *Rossiyskoe kupechestvo ot srednih vekov do nashego vremeni* [Russian merchants from the Middle Ages to our time]. Moscow, Institut Rossiyskoy istorii RAS Publ., 1993, pp. 96-99. (in Russian)
6. Zinoviev V.P. *Ozernoe rybolovstvo v Sibiri v 19 – nachale 20 vv.* [Lake fishing in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Hozyaystvennoe osvoenie Sibiri: istoria, istoriografiya, istochniki* [Economic development of Siberia: history, historiography, sources]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1991, pp. 62-81. (in Russian)
7. Pirozchnikov G.A. *Zapiski uездного ispravnika. Seria 20 vek. Sobytiya i lichnosti* [Notes of county police officer. 20th century series. Events and personalities]. Surgut, Severo-Sibirskoe regionalnoe knizhnoe Publ., 2002, 104 p. (in Russian)
8. Plotnikov A.F. *Narymskiy kray (5 stan Tomskogo uезда, Tomskoy gubernii): istoriko-statisticheskiy* [Narymskiy Krai (5th camp of Tomsk county, Tomsk province): historical and statistical essay]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleyu statistiki* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Statistics]. Ed. by N.V. Latkin; Vol. 10. Iss. 1. Saint-Petersburg, Tipografia V.F. Kirshbauma, 1901, 366 p. (in Russian)
9. Razgon V.N. *Sibirskoe kupechestvo v 18th – pervoy polovine 19th v.* [Siberian merchants in the 18 – first half of the 19 century]. Barnaul, Altaiskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1999, 659 p. (in Russian)
10. Sabaneev L.P. *Ryby Rossii. Zhizn i lovlya (uzchenye) nashih presnovodnyh ryb* [Fish of Russia. The life and fishing of our freshwater fish.]. Moscow, Fizkultura i sport Publ., 1982, vol. 2, 575 p. (in Russian)
11. Sankin E. V. *Promyslovoe rybolovstvo v Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX vv. Diss. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Commercial fishing in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries. Cand. sci. diss.]. Surgut, 2008, 188 p. (in Russian)
12. *Sibirskie i Tobolskie gubernatory: istoricheskie portrety i dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits and documents]. Tyumen, 2000, 577 p. (in Russian)
13. Skorikov A.S. *Ozernoe rybolovstvo v Barabinskom raione* [Lake fishing in the Barabinsky district]. *Materialy k poznaniyu russkogo rybolovstva* [Materials for the knowledge of Russian fishing]. Vol. 2. Is. 8. Saint-Petersburg, Glavnoe upravlenie zemledeliya i zemleustroystva, Departament Zemledeliya, Tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1913, 87 p. (in Russian)
14. Starzev A.V. *Gosudarstvennoe regulirovanie ohotnichyego promysla v Rossii v 18 – nachale 20 v.* [State regulation of hunting in Russia in the 18th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 400, pp. 152-156. <https://doi.org/10.17223/15617793/400/25> (in Russian)
15. Tyapkin M. O. *Gosudarstvennaya lesokhrannaya politika v Zapadnoy Sibiri v 18 – nachale 20 v.* [State forest protection policy in Western Siberia in the 18th – early 20th century]. Barnaul, Barnaulskiy uiridichekiy unstitut MVD Rossii, 2019. 496 p. (in Russian)

16. *Yamal – znakomu i neizvestnyy* [Yamal – familiar and unknown]. Tyumen, Institut problem osvoeniya Severa Sibiskogo otdeleniya PAS Publ., 1995. 238 p. (in Russian)

Санкин Евгений Валериевич

*кандидат исторических наук,
учитель истории*

*Средняя общеобразовательная школа № 25
Россия, 628401, г. Сургут,
ул. Декабристов, 8
e-mail: sc25@admsurgut.ru*

Sankin Evgeny Valeryevich

*Candidate of Sciences (History),
History Teacher*

*Secondary School N 25
8, Dekabristy st., Surgut, 628401,
Russian Federation
e-mail: sc25@admsurgut.ru*

Зиновьев Василий Павлович

*доктор исторических наук, профессор,
Национальный исследовательский Томский
государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
e-mail: rektor@mail.tsu.ru*

Zinoviev Vasilij Pavlovich

*Doctor of Sciences (History), Professor
National Research Tomsk State University.
Russian Federation*

*36, Lenin ave., Tomsk, 634050,
Russian Federation
e-mail: rektor@mail.tsu.ru*